

СКЕПТИК

Обманчивое спокойствие

«„Минск“ не работает и работать не будет», — считает один из ведущих немецких специалистов по Восточной Европе, Райнхард Везер, политический редактор газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung.

Райнхард Везер

Ежедневные отчеты Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине фиксируют постоянное возвратно-поступательное движение: количество нарушений режима прекращения огня по сравнению с предшествующим днем то растет, то снижается. О какой-то определенной направленности говорить не приходится, налицо практически неизменная волнообразная динамика с редкими скачками вверх и вниз. Политическая ситуация вокруг конфликта на востоке Украины на излете четвертого года войны под стать ситуации на ее полях: моменты нарастающей напряженности чередуются с сигналами деэскалации. Впрочем, есть и отличие: колебания стали сильнее, после того как российский президент Владимир Путин в сентябре прошлого года предложил миссию ООН в Донбассе.

Таким образом, впервые со времени переговоров в Минске в феврале 2015 года всерьез прозвучало предложение, не закрепленное в соглашениях, достигнутых «нормандским форматом» в составе Германии, Франции, Украины и России. После временного зстоя, который заполнился исключительно спорами об истолковании неточного во многих пунктах минского документа, казалось, открылась возможность если не к разрешению конфликта, то хотя бы к улучшению ситуации с безопасностью, а значит, и положения людей в зоне боевых действий. Само предложение относительно миссии ООН было не новым — новым и нежиз-

ненным было лишь то, что оно поступило из Москвы, до этого не желавшей слышать о миротворцах ООН.

Надежды, пробужденные инициативой Владимира Путина, не сбылись. Переговоры о мандате миссии ООН превратились лишь во второй театр дипломатической позиционной войны между Москвой, с одной стороны, и Западом и Украиной — с другой. Обмен пленными между Украиной и так называемыми сепаратистами в конце декабря и другие потенциально позитивные сигналы загнули без дальнейших последствий.

То же самое относится пока что и к тем событиям, которые могли бы привести к дестабилизации или эскалации. В последние месяцы они тоже имели место, например переворот в Луганской народной республике, отзыв российских офицеров из российско-украинского Совместного центра по координации и контролю (СЦКК), объявление о поставках Штатами оружия Украине и, наконец, принятие в конце января украинской Радой закона о реинтеграции оккупированных территорий. Но за всем тем, что происходило в прошедшие месяцы, никаких реальных изменений ни к лучшему, ни к худшему не последовало.

Главную причину этого следует искать в Москве. Российское руководство в 2014 году принесло войну на территорию Украины, и оно же является единственной стороной конфликта, в чьих руках эту войну остановить.

Однако продолжающаяся военная и экономическая поддержка так называемых народных республик — ДНР

через существенные политические, экономические, социальные и психологические издержки гноящейся раны войны для Украины. Если украинские выборы в 2019 году приведут

С другой стороны, российское руководство сейчас тоже не заинтересовано в эскалации на востоке Украины. Первое в свете события, успех которого крайне важен для Владимира Путина и его окружения: чемпионат мира по футболу пройдет в июне—июле текущего года. Любое обострение ситуации ляжет густой тенью на престижный проект, а в экстремальном случае и вовсе поставит его под вопрос. Второе, совершенно бесспорно, то, что Евросоюзу по мере увеличения продолжительности конфликта становится все труднее сохранять единство позиции по вопросу о санкциях. Интенсификация военных действий, вероятно, позволила бы ЕС вновь сплотить ряды. Так зачем рос-

сийскому руководству способствовать этому?

Украинские политики со своей стороны тоже все лучше приспосабливаются к положению в Донбассе, изменить которое они все равно не в силах. Для президента Петра Порошенко и других олигархов продолжающаяся война служит оправданием стремлению затормозить или даже обратить вспять реформы юстиции, могущие стать помехой для их власти и для их бизнеса. Вместе с тем война, как в старые времена, позволяет делать хороший бизнес на стыке государства и собственных карманов, причем его нетрудно подать под патриотическим соусом: нужда армии можно оправдывать существенные расходы. Для будущего ук-

Трудно сказать, верят ли сегодня в выполнимость того, что подписали три года назад, сами участники минских договоренностей

раины от такого сползания к старым шаблонам сегодня исходит опасность, как минимум не меньшая, чем связанная с ежедневными перестрелками на восточном фронте.

Но интерес к сохранению статус-кво, присутствующий с обеих сторон, не имеет ничего общего со стабильностью. Все стороны формально еще продолжают придерживаться минских соглашений от февраля 2015 года, поскольку ничего другого у них нет. Но всем понятно, что эти соглашения не работают и работать не будут, пока не произойдет изменений в российской позиции.

Единственная заслуга минских соглашений, которую, однако, не стоит недооценивать, заключается в том, что они остановили открытую войну. Но с тех пор прогресса в реализации этих соглашений практически не было. Ни положения относительно отвода тяжелых вооружений от линии фронта, ни политические составляющие не были выполнены даже в первом приближении.

В той мере, в которой текст трехлетней давности рассматривается сторонами конфликта исключительно как мертвый документ, усиливается опасность новой эскалации — даже притом, что это не входит в намерения самих сторон конфликта. Один из факторов риска — бизнес-интересы и борьба за власть между преступными группировками, с самого начала игравшими в «народных республиках» большую роль. Однако локальный инцидент может превратиться в более масштабный пожар и под воздействием случайностей, недоразумений или ошибочных оценок, тем более что с отъездом российских офицеров из СЦКК прямого канала коммуникации не стало. Ежедневное возвратно-поступательное движение в количестве происшествий в Донбассе быстро может перерасти в большую волну насилия.

Украинские политики все лучше приспосабливаются к положению в Донбассе, изменить которое они все равно не в силах

и ЛНР — показывает, что Кремль хочет сохранить конфликт. Для него Донбасс — суть средство, позволяющее и впредь влиять на ситуацию на Украине. В настоящий момент влиять исключительно опосредованно —

к еще более туманным или к принципиально иным соотношениям сил во власти. Донбасс может и вовсе вновь стать рычагом для более прямого российского воздействия на политику в Киеве.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Два Киева одной Украины

В новостях Киев часто выглядит городом, который россиянам лучше избегать. То по центру украинской столицы маршем пройдут грозные и никому не подчиняющиеся «национальные дружины», то радикалы безнаказанно разгромят Российский центр науки и культуры. Специальный корреспондент „Ъ“ Владимир Соловьев провёл неделю в Киеве и рассказал «Д» о городе, живущем в двух реальностях, каждая из которых может приятно и неприятно удивить.

Владимир Соловьев

Киев не для русских

— Хороший русский — мертвый русский. — громко высказался прохожий и сплюнул себе под ноги.

Он проходил по Борисоглебской улице мимо здания Россотрудничества, которое несколько минут назад закончили забрасывать камнями, яйцами и банками с томатной пастой активисты «Добровольного движения Организации украинских националистов». Кроме разбитых стекол они оставили после себя надпись на фасаде «Смерть России».

Российский центр науки и культуры в тот уикенд дважды пострадал от налетчиков. Первый раз националисты сразу из трех организаций — «Правого сектора» (запрещен в РФ), С14 и «Традиций и порядка» — пришли сюда в субботу, 17 февраля. Они без проблем попали внутрь центра, расписали его изнутри граффити («Это вам за Крым», «Геть ФСБ», «Смерть России»), растоптали и сожгли российский триколор. Обвинив главу киевского представительства Россотрудничества Константина Воробьева в том, что под его крышей здесь орудуют агенты спецслужб России, они спокойно ушли — полицейские никого не задерживали.

Визит активистов ОУН, которые громили центр в воскресенье, 18 февраля, тоже остался без последствий для громких антироссийских гостей: полиция не мешала погрому, а когда он закончился, спецназовцы сопроводили националистов на Майдан, откуда они пришли, забрасывая по пути камнями отделения Сбербанка и Альфа-банка.

У лишившегося стекол Сбербанка два немногочисленных охранника,

В феврале в Киеве громили банки с российскими названиями (несмотря на то что работают и обслуживаются в них жители Украины), а также проводили акцию в память погибших во время «революции достоинства» (2013–2014 годы). Майдан был украшен расписанными в те дни строительными касками

не уберечь своих объект, обсуждали инцидент:

— Ну и кому это нужно?
— Бред. Наши люди ведь здесь работают.

Их диалог был будничным, будто ничего экстраординарного не произошло. Так обычно говорят о погоде. И действительно, акции националистов для многих здесь стали хоть и неприятным, но привычным явлением.

— Традиционная история. Это происходит, как только появляется повод. Или когда кто-то из националистов хочет попиариться, привлечь к себе внимание. Это спланированная пиар-акция, говорит глава киевского центра прикладных политических исследований «Пента» Владимир Фесенко.

В этот раз, судя по всему, поводом была годовщина трагических событий на Майдане, которую отмечали в те дни в украинской столице. Владимир Фесенко уверен, что перед президентскими и парламентскими выборами, намеченными на 2019 год, националисты активизируются.

— По мере приближения к выборам такие инциденты неизбежны.

Националисты и патриоты будут свои мускулы показывать, — предсказывает политолог.

Киев здорового человека

То, что громкие антироссийские выступления — пиар и повод продемонстрировать собственные возможности, признают сами националисты. Встретившийся со мной активист «Правого сектора», согласившийся говорить на условиях анонимности, даже бравировал тем, что

или с Россией ассоциирующиеся. И ничего личного.

Как это выглядит со стороны, никто или не задумывается, или намеренно делает это в самый неудобный для властей момент. В дни, когда произошли нападения на Россотрудничество, в Мюнхене проходила ежегодная конференция по безопасности. Президент Украины Петр Порошенко говорил там о необходимости сдерживания России и называл Донбасс форпостом ЕС.

— Мы знали, что оуновцы придут туда в воскресенье и что там будет полиция. И сыграли на опережение.

Получается, что это у них такое соревнование: кто эффективнее разгромит что-нибудь российское

субботнее вторжение в Россотрудничество его единомышленников получило ярким и более успешным, чем воскресный налет ОУН:

— Мы знали, что оуновцы придут туда в воскресенье и что там будет полиция. И сыграли на опережение.

Получается, что это у них такое соревнование: кто эффективнее разгромит что-нибудь российское

Почти 50% нормально относятся к России. Это лучше, чем можно было ожидать

— Они (националисты. — «Д») сделали подарок российской пропаганде, — признает Владимир Фесенко.

Депутат Верховной рады Мустафа Найем, избравшийся в парламент от «Блока Петра Порошенко», но при этом часто и резко критикующий президента, считает, что силу и влияние украинских радикалов сильно преувеличивают.

— Все радикально правые организации в 2014 году не прошли в парламент. В самый пик войны. Они просто не прошли, — говорит депутат. — Сейчас, когда война идет, радикализация должна продолжаться, правые должны не просто вставать, они крушить все должны. Но даже сейчас они не имеют пока шансов иметь какое-то большое представительство в парламенте. Вот это реальность, это сухие факты.

По словам депутата, нужно еще учитывать отношение общества к радикалам.

— Если вы спросите в Киеве, как люди к этому относятся, то плохо, — говорит он, называя это признаком здорового общества.

В подтверждение нормальности он приводит в пример себя:

— Я вот не этнический украинец. И я депутат в этой стране. Мне никогда ни на одном публичном выступлении никто не говорил: ты не украинец.

За время пребывания в Киеве я ни разу не столкнулся с каким-то специальным отношением к себе как к российскому журналисту. При пересечении границы в аэропорту Жульны не просто не возникло никаких проблем, к которым я внутренне был готов, но девушку-пограничницу вовсе не интересовала цель моего визита на Украину. Не проявляли ко мне специального отношения и вооруженные бойцы, дежурившие у проходной на входе в Верховную раду, которым я показывал свой российский паспорт, и полицейские, охранявшие вход в здание Верховного суда.

Еще одним открытием стал недавний обнародованный соцопрос американского International Republican Institute, проводившийся в конце 2017 года. Респондентов среди прочего просили оценить их отношение к десяти разным странам, в числе которых США, отдельные члены ЕС и Евросоюз в целом и Россия. Шкала ответов следующая: «очень тепло», «тепло», «нейтрально», «холодно», «очень холодно», «затруднилась ответить».

По данным опроса, «очень тепло» к ЕС относятся 9%, «тепло» — 38%, «нейтрально» — 45%, «холодно» и «очень холодно» — 5% и 1%, соответственно (2% затруднились ответить). По поводу США картина такая: «очень тепло» — 9%, «тепло» — 31%, «нейтрально» — 47%, а «холодно» и «очень холодно» — 8% и 2%. Еще 3% не ответили или не смогли сформулировать свое отношение.

Ответы по поводу России выглядят так: 4% — «очень тепло», 14% — «тепло», 31% — «нейтрально», 22% — «очень холодно», 26% — «холодно» (3% опрошенных затруднились ответить).

Получается, что почти 50% в целом нормально относятся к РФ. Это лучше, чем можно было ожидать, учитывая, что происходило между двумя странами с 2014 года и продолжает происходить сейчас. Можно только догадываться, какими были бы эти цифры, не случись войны в Донбассе.